

ЛЕТЕЛ я в Джамбуле, ни из что не рассчитывая: Казахского национального театра в городе не было, он засыпал на гастроны; Русский театр организовался лишь позади года назло.

Собрать театр, может быть, и не так уж сложно, но создать художественный организм, право, нелегко. Создать театр — это не только проявить инициативу и настойчивость в подборе актеров, в выборе пьес, но и воспитания, помимо коллегии, — и, с первых же шагов! — своего зрителя, способного с поочью театра воспринимать истинные ценности, не тянуться к полезкам.

Существует ведь такая штука в театре, с которой спрашиваются многие — нужнота и принципиальность. Я имею в виду репертуарную оболочку: ее заражают, ум, старые, постчные театры. Летняя почта в любой город, и создает твой определенный по крайней мере двадцать пьес из ходовых, не азартных и повседневных. Сейчас это комедия «Десять суток за любовь» или мюзикл «Сокровища монтику», чуть позже думают, подойдет «Ступа место автографами дядя», Расчет на кассу. Иначе говорят, плач и вымысел.

ДЖАМБУЛ. Когда-то, двенадцать веков назад, южноазиатское поселение Ауланда-Ата, в наше время — город, называемый в честь великого вина Джамбула, который прожил здесь Джахабека, который прожил здесь

не раз по ходу действия, тот пересел на влагазы, который он получает в, казалось бы, безнадежных обстоятельствах.

Театру «позволено» в группе национального театра в городе не было, он засыпал на гастроны; Русский театр организовался лишь позади года назло.

Собрать театр, может быть, и не так уж сложно, но создать художественный организм, право, нелегко. Создать театр — это не только проявить инициативу и настойчивость в подборе актеров, в выборе пьес, но и воспитания, помимо коллегии, — и, с первых же шагов! — своего зрителя, способного с поочью театра воспринимать истинные ценности, не тянуться к полезкам.

Существует ведь такая штука в театре, с которой спрашиваются

многие — нужнота и принципиальность. Я имею в виду репертуарную оболочку: ее заражают, ум, старые, постчные театры.

Летняя почта в любой город, и создает твой определенный по крайней мере двадцать пьес из ходовых, не азартных и повседневных. Сейчас это комедия «Десять суток за любовь» или мюзикл «Сокровища монтику», чуть позже думают, подойдет «Ступа место автографами дядя», Расчет на кассу. Иначе говорят, плач и вымысел.

СТАВИЛА «Чрезвычайного комиссара». Ф. Литвинская, оратор, создатель театра: режиссер и продюсер театра; режиссер из «кругосуточных», мастеров из «автомобильных», самовнушающихся. Такое же производство, и дом подполья, и, конечно же, искусство — подполья, измуряющее, дело жизни и смерти. Правильно встретиться с та-

Н. Гюльникян. «Народный танец».

СЛОВО-Армении

В павильоне
«Советская культура»
на ВДНХ

Интерес к сложной внутренней жизни человека, развитие от деятельности (а то и приемов внешней стилизации) в сторону психологического раскрытия образа — это то, что можно заметить во многих картинных композициях народного искусства Армении.

Современные художники приходят к более глубокому осмыслению внутренней жизни образа.

Они ищут сложное и простое, ищут притягательность изображения, чтобы раскрыть напряженный, изволнованный мир человеческих чувств.

Для того чтобы рожнить, выражать линии развития современной армянской живописи, интересно сравнить две работы М. Аветисяна. Если в картине «Маслобойня» он еще сознательно стилизует пластическую форму, то в более позднем «Натюрморте» художник приходит к свободе и уверенности своего собственного языка. Цвет здесь утрачивает формальный значимость, он подчинен основной сюжетической задаче — в передаче предметов, окружающих человека, раскрыть напряженный, изволнованный мир человеческих чувств.

Как будто в противовес поискам Аветисяна, основанным на традиционном для армянской живописи понимании цветовой гармонии, рождаются пейзажные образы А. Акопяна. Они построены как будто на бесприцельном выверенном расчете, точности в передаче объективно существующего мира вещей: монохромные пейзажи, изображающие пустынное, покоящееся, что отражает поступательное развитие нашей художественной культуры.

Республиканская организация, в первую очередь союзы художников, взяли на себя важную миссию: из всего, что у них создано в последнее время, выбрать наиболее притягательное, показать то, что отражает поступательное развитие нашей художественной культуры.

Под таким знаком в минувшие сезоны прошли многие республиканские выставки: это был, например, показ нового, экспериментального в области художественной керамики и декоративного текстиля на выставке прикладного искусства Латышской ССР. Выставка художников туркменов показала с достоинством и органически вяжущими единомышленниками правах создателей книги потока, что для участия их в выставке было необходимо, чтобы книга была составлена в единстве своем богатым материалом и творческим мышлением и эмоциональностью, темпераментом иллюстрации.

«Малыш» выпущенное книгу, который не только вспоминает о детстве, но и вспоминает о будущем. Это книга об Отечественной войне 1912 года писателя Михаила Бакунова и художника Павла Григоряна «В грозную пору».

Обоих авторов — и писателя, и художника — можно назвать представителями единомышленников правах создателей книги потока, что для участия их в выставке было необходимо, чтобы книга была составлена в единстве своем богатым материалом и творческим мышлением и эмоциональностью, темпераментом иллюстрации.

«Малыш» в данном случае — прекрасный союз двух разных школ: Киряк и Кормильцы (среди других она, говорит, интересует Саркисян), но и этого достаточно было, чтобы убедиться в талантливости авторов. Сложные переходы от комедийности, наруживается та несомненная польза, которую принесло современное поколение испытанию большой драматургии.

ДЖАМБУЛСКОМУ театру еще много нужно наклонить и со временем улучшить. У него есть группа хороших профессиональных актеров. Я видел О. Заславскую несолько в двух ролях — Куряк и Кормильцы (среди других она, говорит, интересует Саркисян), но и этого достаточно было, чтобы убедиться в талантливости актеров. Сложные переходы от комедийности, наруживается та несомненная польза, которую принесло современное поколение испытанию большой драматургии.

Самое главное в театре заладилось, получилось и в этом, нужно подчеркнуть, несущая заслуга другого вицеминистра — директора Н. Стадовского. Есть театр, еще не окрепший, нынешний актерским исполнением, но театр творческий, неустремленный. Театр юношеский, и поиск его идет в первом направлении. Он ищет темы значительные, высокопреставленные, боязнь мысли о

смерти, а также истины, темы, которые не получались.

Самое главное в театре заладилось, получилось и в этом, нужно подчеркнуть, несущая заслуга другого вицеминистра — директора Н. Стадовского. Есть театр, еще не окрепший, нынешний актерским исполнением, но театр творческий, неустремленный. Театр юношеский, и поиск его идет в первом направлении. Он ищет темы значительные, высокопреставленные, боязнь мысли о

смерти, а также истины, темы, которые не получались.

Самое главное в театре заладилось, получилось и в этом, нужно подчеркнуть, несущая заслуга другого вицеминистра — директора Н. Стадовского. Есть театр, еще не окрепший, нынешний актерским исполнением, но театр творческий, неустремленный. Театр юношеский, и поиск его идет в первом направлении. Он ищет темы значительные, высокопреставленные, боязнь мысли о

смерти, а также истины, темы, которые не получались.

Самое главное в театре заладилось, получилось и в этом, нужно подчеркнуть, несущая заслуга другого вицеминистра — директора Н. Стадовского. Есть театр, еще не окрепший, нынешний актерским исполнением, но театр творческий, неустремленный. Театр юношеский, и поиск его идет в первом направлении. Он ищет темы значительные, высокопреставленные, боязнь мысли о

смерти, а также истины, темы, которые не получались.

Самое главное в театре заладилось, получилось и в этом, нужно подчеркнуть, несущая заслуга другого вицеминистра — директора Н. Стадовского. Есть театр, еще не окрепший, нынешний актерским исполнением, но театр творческий, неустремленный. Театр юношеский, и поиск его идет в первом направлении. Он ищет темы значительные, высокопреставленные, боязнь мысли о

смерти, а также истины, темы, которые не получались.

Самое главное в театре заладилось, получилось и в этом, нужно подчеркнуть, несущая заслуга другого вицеминистра — директора Н. Стадовского. Есть театр, еще не окрепший, нынешний актерским исполнением, но театр творческий, неустремленный. Театр юношеский, и поиск его идет в первом направлении. Он ищет темы значительные, высокопреставленные, боязнь мысли о

смерти, а также истины, темы, которые не получались.

Самое главное в театре заладилось, получилось и в этом, нужно подчеркнуть, несущая заслуга другого вицеминистра — директора Н. Стадовского. Есть театр, еще не окрепший, нынешний актерским исполнением, но театр творческий, неустремленный. Театр юношеский, и поиск его идет в первом направлении. Он ищет темы значительные, высокопреставленные, боязнь мысли о

смерти, а также истины, темы, которые не получались.

Самое главное в театре заладилось, получилось и в этом, нужно подчеркнуть, несущая заслуга другого вицеминистра — директора Н. Стадовского. Есть театр, еще не окрепший, нынешний актерским исполнением, но театр творческий, неустремленный. Театр юношеский, и поиск его идет в первом направлении. Он ищет темы значительные, высокопреставленные, боязнь мысли о

смерти, а также истины, темы, которые не получались.

Самое главное в театре заладилось, получилось и в этом, нужно подчеркнуть, несущая заслуга другого вицеминистра — директора Н. Стадовского. Есть театр, еще не окрепший, нынешний актерским исполнением, но театр творческий, неустремленный. Театр юношеский, и поиск его идет в первом направлении. Он ищет темы значительные, высокопреставленные, боязнь мысли о

смерти, а также истины, темы, которые не получались.

Самое главное в театре заладилось, получилось и в этом, нужно подчеркнуть, несущая заслуга другого вицеминистра — директора Н. Стадовского. Есть театр, еще не окрепший, нынешний актерским исполнением, но театр творческий, неустремленный. Театр юношеский, и поиск его идет в первом направлении. Он ищет темы значительные, высокопреставленные, боязнь мысли о

смерти, а также истины, темы, которые не получались.

Самое главное в театре заладилось, получилось и в этом, нужно подчеркнуть, несущая заслуга другого вицеминистра — директора Н. Стадовского. Есть театр, еще не окрепший, нынешний актерским исполнением, но театр творческий, неустремленный. Театр юношеский, и поиск его идет в первом направлении. Он ищет темы значительные, высокопреставленные, боязнь мысли о

смерти, а также истины, темы, которые не получались.

Самое главное в театре заладилось, получилось и в этом, нужно подчеркнуть, несущая заслуга другого вицеминистра — директора Н. Стадовского. Есть театр, еще не окрепший, нынешний актерским исполнением, но театр творческий, неустремленный. Театр юношеский, и поиск его идет в первом направлении. Он ищет темы значительные, высокопреставленные, боязнь мысли о

смерти, а также истины, темы, которые не получались.

Самое главное в театре заладилось, получилось и в этом, нужно подчеркнуть, несущая заслуга другого вицеминистра — директора Н. Стадовского. Есть театр, еще не окрепший, нынешний актерским исполнением, но театр творческий, неустремленный. Театр юношеский, и поиск его идет в первом направлении. Он ищет темы значительные, высокопреставленные, боязнь мысли о

смерти, а также истины, темы, которые не получались.

Самое главное в театре заладилось, получилось и в этом, нужно подчеркнуть, несущая заслуга другого вицеминистра — директора Н. Стадовского. Есть театр, еще не окрепший, нынешний актерским исполнением, но театр творческий, неустремленный. Театр юношеский, и поиск его идет в первом направлении. Он ищет темы значительные, высокопреставленные, боязнь мысли о

смерти, а также истины, темы, которые не получались.

Самое главное в театре заладилось, получилось и в этом, нужно подчеркнуть, несущая заслуга другого вицеминистра — директора Н. Стадовского. Есть театр, еще не окрепший, нынешний актерским исполнением, но театр творческий, неустремленный. Театр юношеский, и поиск его идет в первом направлении. Он ищет темы значительные, высокопреставленные, боязнь мысли о

смерти, а также истины, темы, которые не получались.

Самое главное в театре заладилось, получилось и в этом, нужно подчеркнуть, несущая заслуга другого вицеминистра — директора Н. Стадовского. Есть театр, еще не окрепший, нынешний актерским исполнением, но театр творческий, неустремленный. Театр юношеский, и поиск его идет в первом направлении. Он ищет темы значительные, высокопреставленные, боязнь мысли о

смерти, а также истины, темы, которые не получались.

Самое главное в театре заладилось, получилось и в этом, нужно подчеркнуть, несущая заслуга другого вицеминистра — директора Н. Стадовского. Есть театр, еще не окрепший, нынешний актерским исполнением, но театр творческий, неустремленный. Театр юношеский, и поиск его идет в первом направлении. Он ищет темы значительные, высокопреставленные, боязнь мысли о

смерти, а также истины, темы, которые не получались.

Самое главное в театре заладилось, получилось и в этом, нужно подчеркнуть, несущая заслуга другого вицеминистра — директора Н. Стадовского. Есть театр, еще не окрепший, нынешний актерским исполнением, но театр творческий, неустремленный. Театр юношеский, и поиск его идет в первом направлении. Он ищет темы значительные, высокопреставленные, боязнь мысли о

смерти, а также истины, темы, которые не получались.

Самое главное в театре заладилось, получилось и в этом, нужно подчеркнуть, несущая заслуга другого вицеминистра — директора Н. Стадовского. Есть театр, еще не окрепший, нынешний актерским исполнением, но театр творческий, неустремленный. Театр юношеский, и поиск его идет в первом направлении. Он ищет темы значительные, высокопреставленные, боязнь мысли о

смерти, а также истины, темы, которые не получались.

Самое главное в театре заладилось, получилось и в этом, нужно подчеркнуть, несущая заслуга другого вицеминистра — директора Н. Стадовского. Есть театр, еще не окрепший, нынешний актерским исполнением, но театр творческий, неустремленный. Театр юношеский, и поиск его идет в первом направлении. Он ищет темы значительные, высокопреставленные, боязнь мысли о

смерти, а также истины, темы, которые не получались.

Самое главное в театре заладилось, получилось и в этом, нужно подчеркнуть, несущая заслуга другого вицеминистра — директора Н. Стадовского. Есть театр, еще не окрепший, нынешний актерским исполнением, но театр творческий, неустремленный. Театр юношеский, и поиск его идет в первом направлении. Он ищет темы значительные, высокопреставленные, боязнь мысли о

смерти, а также истины, темы, которые не получались.

Самое главное

У СОВЕТСКОГО цирка — золотой юбилей. Правительственный декрет «Об объединении театрального дела», подписанный В. И. Лениным пятьдесят лет назад, положил начало становлению нового циркового искусства, открыты перед мастерами науки не ограниченные возможности для творчества.

Своим жизнедеятельностью и ярким искусством советский цирк утверждает оптимистическое восприятие мира, главный гармонично развитию человека.

Искусство советского цирка возвышает человека, а не унижает его зрителя словно колодят, когда на их глазах раскрывается велический мир

вещеских чудес, где невозможное становится возможным, где в единобор-

стве с высотой, с законом земного притяжения, со слезами и трюстым жи-
стиком диких зверей неизменно побеждает человек.

Искусство советского цирка завоевало имена всемирное признание и славу. Зарубежные гастроли наших мастеров настолько проходят с огромным успехом на всех пяти континентах. В одном из последних номеров журнала «Советская эстрада и цирк» опубликована гастрольная карта, наглядно показывающая, сколь велики и многочисленны гастрольные маршруты артистов цирка ССР. Наши артисты и дрессировщики, гимнасты и

акробаты, эквилибристы и жонглеры, художники и каскадеры побывали за последние годы в шестидесяти шести странах мира.

Свой полувековой юбилей советский цирк встречает в расцвете творче-
ской силы, он по праву считается сегодня лучшим цирком мира.

На этой странице мы знакомим читателей газеты с некоторыми материалами, которые будут опубликованы в ближайших номерах журнала «Со-
ветская эстрада и цирк».

Редакция журнала
«Советская эстрада и цирк»

У НАС В ГОСТИХ ЖУРНАЛ

советская ЭСТРАДА И ЦИРК

ГЛАВА МАЛЕНЬКАЯ, но примечательная

У советских мастеров науки немало друзей в самой профессиональной среде. Но еще больше их в зрительском зале. У директора Соинского цирка С. А. Пищика хранился книга отзывов почетных посетителей. Записи в ней сделаны на самых разных языках: русском, английском, французском, польском, венгерском, итальянском, норвежском, японском, корейском, арабском, немецком...

Кто только не оставил в книге свои отзывы! Главы правительства и руководители делегаций, прославленные советские лётчики-космонавты и видные ученые, писатели, артисты...

Вот записи, сделанные маршалом К. Е. Ворошиловым: «Богатое благородие артистов цирка за прекрасное представление, в котором все участники показали высокий класс циркового искусства. Это чудесное мастерство в исполнении блестящих номеров, которое так радостно воспринимается зрителями».

является, конечно, результатом напряженного труда каждого артиста в сочетании с его талантом. Жаль, всем участникам представлениям поставлены успехов и личного счастья».

Лётчики-космонавты, приезжая отмывать на Черноморское побережье, всякий раз считают необходимым побывать на представлении. Вот что написал о выступлении мастеров науки Юрий Гагарин:

«Сила, ложность, смелость, точный расчет — качества, присущие цирковому искусству. Хорошо работают наши артисты. Когда смотришь хорошие номера, самому хочется так выполнить! Спасибо за те счастливые минуты, которые мы провели у вас».

Горжусь интересуются цирком представители других искусств. Множество записей оставлено в книге почетных посетителей Соинского цирка деятелями театра, музыки, кино. Конечно, привести хотя бы одну, которую сделал народный артист ССР А. В. Скешин:

«Благодаря отличной организованности воспитания кадров цирковых артистов советский цирк достиг невиданного расцвета. Это подлинное искусство, и артисты цирка — Большие, здравомыслящие громады».

С восторгом говорят и зарубежные гости об этих качествах мастеров советского цирка.

«Сила и ложность, смелость и чувство прекрасного, высокая профессиональная требовательность, которая не терпит ошибок, уверенность в человеке, самоотдача» — советский цирк. Это не только искусство, доведенное до совершенства, это лучшая и радостная школа, где формируются высокие качества человека», — пишет президент Международной организации журналистов Жан-Морис Эрман.

Эти, как и многие другие, воспоминания слова выражают искреннее восхищение, идущее из сердца. М. МЕДВЕДЕВ.

СОЧИ.

Натяжники под руководством заслуженного артиста РСФСР Владимира Волжанского.

Фото В. Пантелейко.

НЕРВЫ— ПРЕЖДЕ ВСЕГО

Я СНИДЕЛ в цирке Тихо, спокойно, никого не трогал, на бледных дрессированных сбачек. Вздрог...

— Сейчас, — надрывно заголовил инспектор науки (то есть человек, которому в цирке полагается крикнуть чутче громче клову и чуть тише директора), — сейчас мы увидите смертельный номер! Сальто-мортале на мотоцикле! Нервных прошу удалиться...

Цирк сразу зажмурел — стали выходить нервные.

Я тоже поднялся.

«На четв. думай, мне эти смертельные номера».

— Смотрите, — тронула меня за плечо какая-то женщина в очках, — нас здесь позада.

— Не знаю, не считал, — буркнула я, потому что иначе привык не загоревать с посторонними женщинами.

— Представляете, — не учиналась женщина, — превращают искусство в ублажение кучки людей, которым наплевать на свою нервную!

— Это верно, — пошел я на компромисс со своими принципами, — еще в школе нас учили, что искусство — это сама жизнь. А где в жизни вы увидите сальто-мортале на мотоцикле?

— Да что сальто-мортале? — первым жестикоурировала женщина. — У них любой номер построен так, чтобы действовать на нервы.

— Странно, — уверенно заявил я.

— Смотрите, — тронула меня за плечо какая-то женщина в очках, — нас здесь позада.

— Не знаю, не считал, — буркнула я, потому что иначе привык не загоревать с посторонними женщинами.

— Представляете, — не учиналась женщина, — превращают искусство в ублажение кучки людей, которым наплевать на свою нервную!

— Это верно, — пошел я на компромисс со своими принципами, — еще в школе нас учили, что искусство — это сама жизнь. А где в жизни вы увидите сальто-мортале на мотоцикле?

— Да что сальто-мортале? — первым жестикоурировала женщина. — У них любой номер построен так, чтобы действовать на нервы.

— Странно, — уверенно заявил я.

— Смотрите, — тронула меня за плечо какая-то женщина в очках, — нас здесь позада.

— Не знаю, не считал, — буркнула я, потому что иначе привык не загоревать с посторонними женщинами.

— Представляете, — не учиналась женщина, — превращают искусство в ублажение кучки людей, которым наплевать на свою нервную!

— Это верно, — пошел я на компромисс со своими принципами, — еще в школе нас учили, что искусство — это сама жизнь. А где в жизни вы увидите сальто-мортале на мотоцикле?

— Да что сальто-мортале? — первым жестикоурировала женщина. — У них любой номер построен так, чтобы действовать на нервы.

— Странно, — уверенно заявил я.

— Смотрите, — тронула меня за плечо какая-то женщина в очках, — нас здесь позада.

— Не знаю, не считал, — буркнула я, потому что иначе привык не загоревать с посторонними женщинами.

— Представляете, — не учиналась женщина, — превращают искусство в ублажение кучки людей, которым наплевать на свою нервную!

— Это верно, — пошел я на компромисс со своими принципами, — еще в школе нас учили, что искусство — это сама жизнь. А где в жизни вы увидите сальто-мортале на мотоцикле?

— Да что сальто-мортале? — первым жестикоурировала женщина. — У них любой номер построен так, чтобы действовать на нервы.

— Странно, — уверенно заявил я.

— Смотрите, — тронула меня за плечо какая-то женщина в очках, — нас здесь позада.

— Не знаю, не считал, — буркнула я, потому что иначе привык не загоревать с посторонними женщинами.

— Представляете, — не учиналась женщина, — превращают искусство в ублажение кучки людей, которым наплевать на свою нервную!

— Это верно, — пошел я на компромисс со своими принципами, — еще в школе нас учили, что искусство — это сама жизнь. А где в жизни вы увидите сальто-мортале на мотоцикле?

— Да что сальто-мортале? — первым жестикоурировала женщина. — У них любой номер построен так, чтобы действовать на нервы.

— Странно, — уверенно заявил я.

— Смотрите, — тронула меня за плечо какая-то женщина в очках, — нас здесь позада.

— Не знаю, не считал, — буркнула я, потому что иначе привык не загоревать с посторонними женщинами.

— Представляете, — не учиналась женщина, — превращают искусство в ублажение кучки людей, которым наплевать на свою нервную!

— Это верно, — пошел я на компромисс со своими принципами, — еще в школе нас учили, что искусство — это сама жизнь. А где в жизни вы увидите сальто-мортале на мотоцикле?

— Да что сальто-мортале? — первым жестикоурировала женщина. — У них любой номер построен так, чтобы действовать на нервы.

— Странно, — уверенно заявил я.

— Смотрите, — тронула меня за плечо какая-то женщина в очках, — нас здесь позада.

— Не знаю, не считал, — буркнула я, потому что иначе привык не загоревать с посторонними женщинами.

— Представляете, — не учиналась женщина, — превращают искусство в ублажение кучки людей, которым наплевать на свою нервную!

— Это верно, — пошел я на компромисс со своими принципами, — еще в школе нас учили, что искусство — это сама жизнь. А где в жизни вы увидите сальто-мортале на мотоцикле?

— Да что сальто-мортале? — первым жестикоурировала женщина. — У них любой номер построен так, чтобы действовать на нервы.

— Странно, — уверенно заявил я.

— Смотрите, — тронула меня за плечо какая-то женщина в очках, — нас здесь позада.

— Не знаю, не считал, — буркнула я, потому что иначе привык не загоревать с посторонними женщинами.

— Представляете, — не учиналась женщина, — превращают искусство в ублажение кучки людей, которым наплевать на свою нервную!

— Это верно, — пошел я на компромисс со своими принципами, — еще в школе нас учили, что искусство — это сама жизнь. А где в жизни вы увидите сальто-мортале на мотоцикле?

— Да что сальто-мортале? — первым жестикоурировала женщина. — У них любой номер построен так, чтобы действовать на нервы.

— Странно, — уверенно заявил я.

— Смотрите, — тронула меня за плечо какая-то женщина в очках, — нас здесь позада.

— Не знаю, не считал, — буркнула я, потому что иначе привык не загоревать с посторонними женщинами.

— Представляете, — не учиналась женщина, — превращают искусство в ублажение кучки людей, которым наплевать на свою нервную!

— Это верно, — пошел я на компромисс со своими принципами, — еще в школе нас учили, что искусство — это сама жизнь. А где в жизни вы увидите сальто-мортале на мотоцикле?

— Да что сальто-мортале? — первым жестикоурировала женщина. — У них любой номер построен так, чтобы действовать на нервы.

— Странно, — уверенно заявил я.

— Смотрите, — тронула меня за плечо какая-то женщина в очках, — нас здесь позада.

— Не знаю, не считал, — буркнула я, потому что иначе привык не загоревать с посторонними женщинами.

— Представляете, — не учиналась женщина, — превращают искусство в ублажение кучки людей, которым наплевать на свою нервную!

— Это верно, — пошел я на компромисс со своими принципами, — еще в школе нас учили, что искусство — это сама жизнь. А где в жизни вы увидите сальто-мортале на мотоцикле?

— Да что сальто-мортале? — первым жестикоурировала женщина. — У них любой номер построен так, чтобы действовать на нервы.

— Странно, — уверенно заявил я.

— Смотрите, — тронула меня за плечо какая-то женщина в очках, — нас здесь позада.

— Не знаю, не считал, — буркнула я, потому что иначе привык не загоревать с посторонними женщинами.

— Представляете, — не учиналась женщина, — превращают искусство в ублажение кучки людей, которым наплевать на свою нервную!

— Это верно, — пошел я на компромисс со своими принципами, — еще в школе нас учили, что искусство — это сама жизнь. А где в жизни вы увидите сальто-мортале на мотоцикле?

— Да что сальто-мортале? — первым жестикоурировала женщина. — У них любой номер построен так, чтобы действовать на нервы.

— Странно, — уверенно заявил я.

— Смотрите, — тронула меня за плечо какая-то женщина в очках, — нас здесь позада.

— Не знаю, не считал, — буркнула я, потому что иначе привык не загоревать с посторонними женщинами.

— Представляете, — не учиналась женщина, — превращают искусство в ублажение кучки людей, которым наплевать на свою нервную!

— Это верно, — пошел я на компромисс со своими принципами, — еще в школе нас учили, что искусство — это сама жизнь. А где в жизни вы увидите сальто-мортале на мотоцикле?

<p